

Что такое академическая дисциплина и что в ней отличного от отдельной науки, особой отрасли знания или определенной специальности? В чем заключена специфика весьма несхожих гуманитарных и социальных дисциплин — и очень древних, и совсем новых? Почему они устроены и развиваются иначе, чем те или иные области естествознания? Ответы на эти вопросы авторы монографии — ученые из России, Франции, США, Швеции и других стран — пытаются дать, нетривиально описывая эволюцию разных дисциплин, от ренессансной филологии и романтической «науки о древностях» до структурной лингвистики и поведенческой экономики.

Издание адресовано широкому кругу исследователей — историкам, социологам, философам, культурологам, специалистам по науковедению и истории идей, а также преподавателям высших учебных заведений и студентам гуманитарных специальностей.

ВЫСШАЯ ШКОЛА
ЭКОНОМИКИ

НАУКИ О ЧЕЛОВЕКЕ
ИСТОРИЯ ДИСЦИПЛИН

ВЫСШАЯ ШКОЛА
ЭКОНОМИКИ

НАУКИ
О ЧЕЛОВЕКЕ

ИСТОРИЯ
ДИСЦИПЛИН

ВЫСШАЯ ШКОЛА
ЭКОНОМИКИ

ВЫСШАЯ ШКОЛА ЭКОНОМИКИ
НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ

Институт гуманитарных историко-теоретических исследований
имени А.В. Полетаева

НАУКИ
О ЧЕЛОВЕКЕ
ИСТОРИЯ
ДИСЦИПЛИН

Составители и ответственные редакторы
А.Н. Дмитриев, И.М. Савельева

Издательский дом Высшей школы экономики
МОСКВА, 2015

УДК 3
ББК 60
Н34

Текст монографии подготовлен при финансовой поддержке программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ в 2011–2013 гг.

Рецензенты:

доктор философских наук, главный научный
сотрудник Института философии РАН *Н.С. Автономова*;
доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой теории дискурса
и коммуникации филологического факультета МГУ *Т.Д. Венедиктова*

Науки о человеке: история дисциплин [Текст]: коллект. моногр. / сост. и
Н34 отв. ред. А. Н. Дмитриев, И. М. Савельева ; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа
экономики». — М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2015. — 651, [5] с. —
300 экз. — ISBN 978-5-7598-1209-8 (в пер.).

Коллективная монография посвящена анализу проблематики дисциплинарности, которая в XXI в. вновь активно привлекает внимание исследователей. В книге по-новому освещены вопросы преемственности в гуманитарных и социальных дисциплинах, перераспределение фундаментальных и прикладных сфер в этих областях, обмен идеями и концептуальными моделями между различными научными сообществами. Авторы исследования — ученые из России, Франции, США, Швеции и других стран — всесторонне раскрывают проблемы истории и социологии социогуманитарного знания, обращаясь к мало изученным ранее вопросам академической иерархии и механизмам вытеснения «миноритарных» направлений, явным и теневым практикам закрепления приоритета тех или иных дисциплин и школ.

Издание адресовано широкому кругу исследователей — историкам, социологам, философам, культурологам, специалистам по науковедению, истории науки и истории идей, а также преподавателям высших учебных заведений и студентам гуманитарных специальностей.

УДК 3
ББК 60

ISBN 978-5-7598-1209-8

© Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Институт гуманитарных историко-теоретических исследований, 2015
© Оформление. Издательский дом Высшей школы экономики, 2015
Приложение © WarburgInstitute, 1950
Глава 4 © Duke University Press, 1999
Глава 10 © Duke University Press, 2013

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ. <i>А. Дмитриев.</i> Дисциплинарные порядки в гуманитарных и социальных науках.....	7
РАЗДЕЛ I. Порядки и структуры знания: от гуманизма к Просвещению	39
Глава 1. <i>П. Соколов.</i> Генеалогия метода в науках об историческом мире	41
Глава 2. <i>Ю. Иванова.</i> «История идей» и «гражданская наука»: границы дисциплинарности в раннее Новое время	53
Глава 3. <i>Н. Осминская.</i> Всеобщая наука, энциклопедия и классификация наук в ранней философии Г.В. Лейбница.....	74
РАЗДЕЛ II. Золотой век дисциплиностроительства	103
Глава 4. <i>Л. Дастон.</i> Дисциплинирование дисциплин: академии и единство знания	105
Глава 5. <i>П. Резвых.</i> Мифология как предмет и дисциплина в романтической <i>Altertumswissenschaft</i>	124
Глава 6. <i>В. Боярченков.</i> Наука русских древностей в первой половине XIX в.	157
Глава 7. <i>В. Берелович.</i> Морфология зачина: жанр предисловия к очерку русской истории (от Татищева к Багалею)	187
Глава 8. <i>М. Тисье.</i> Высокостатусная дисциплина, неясная наука: теория и практика российского правоведения в конце XIX — начале XX в.....	207
Глава 9. <i>Г. Юдин.</i> Наукоучение Эдмунда Гуссерля и кризис теории разделения наук	240
Глава 10. <i>И. Герасимов, М. Могильнер, А. Семёнов.</i> Российская социология в имперском контексте	263
Глава 11. <i>А. Ясницкий.</i> Дисциплинарное становление русской психологии первой половины XX в.....	299

Глава 12. <i>А. Филиппов</i> . Советская социология как полицейская наука.....	330
Глава 13. <i>Р. Тоштендаль</i> . Дисциплины и специалисты в практических профессиях и в исследовательской деятельности (ок. 1850–1940 гг.).....	349
РАЗДЕЛ III. «После дисциплин» или новая дисциплинарность?.....	373
Глава 14. <i>Г. Юдин</i> . Социология профессий и социология как профессия.....	375
Глава 15. <i>Б. Степанов</i> . «Как беззаконная комета...»: культурные исследования в поисках академической идентичности	389
Глава 16. <i>И. Савельева</i> . Публичная история: дисциплина или профессия?.....	421
Глава 17. <i>В. Файер</i> . Академический сепаратизм: лингвистика и языкознание в Московском университете	452
Глава 18. <i>М. Дёмин</i> . Дилемма профессии: советские институты и современная университетская философия в России.....	483
Глава 19. <i>Р. Капелюшников</i> . Стратегии поведенческой экономики.....	508
Глава 20. <i>О. Кирчик</i> . Транснациональные иерархии и локальные порядки знания в экономике	543
Глава 21. <i>А. Дмитриев, О. Запорожец</i> . Дисциплинарный принцип и аналитика «общества знания»	569
ЗАКЛЮЧЕНИЕ. А. Дмитриев.	600
ПРИЛОЖЕНИЕ. А. Момильяно. Древняя история и любители древностей (1950).....	604
СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ.....	649

ДИСЦИПЛИНАРНЫЙ ПРИНЦИП И АНАЛИТИКА «ОБЩЕСТВА ЗНАНИЯ»*

Социология знания (и социология науки, как прямо с ней связанная область исследований) за прошедший век претерпела ряд радикальных перемен, где главным вектором стал переход от конструирования обобщенных схем социокультурной динамики и структурного описания академических организаций и сообществ к более нюансированной и одновременно теоретически насыщенной историко-социологической рефлексии научных знаний и практик¹.

В этом тексте мы рассмотрим, как эволюционировали социологические трактовки дисциплинарного устройства науки, начиная с 1960-х годов (включая предысторию 1930–1940-х годов) и вплоть до настоящего времени². При этом нужно с самого начала оговорить, что эта тема не «покрывается» целиком социологией науки, хотя именно она традиционно задает главные модусы социального описания академической деятельности и ее дисциплинарного устройства. Как будет показано ниже, эти вопросы наиболее полно могут быть освещены в комплексном взаимодействии социологии образования, социальной истории науки, антропологии науки, а также науковедения (*science studies*) как особой исследовательской области.

Уже ранние исследования феномена дисциплинарности обозначили базовые особенности социологического подхода к его изучению. Мыслить дисциплинарность социологически означало понимать ее как социальный механизм, формируемый группами и сообществами в определенных социальных, культурных и политических условиях. Изначально анализ дисциплинарного деления не мыслился социологами науки как нечто самосто-

* Авторы выражают признательность И.М. Савельевой и О.И. Кирчик за содержательные и конструктивные замечания, высказанные при подготовке текста.

¹ См. детальное и критическое описание: *Zammito J.H. What's "New" in the Sociology of Knowledge? // Handbook of the Philosophy of Science: Philosophy of Anthropology and Sociology / S. Turner, M. Risjord (eds). Amsterdam: Elsevier, 2007. P. 791–857.*

² См. в качестве образца краткий, но содержательный очерк исторической рефлексии дисциплинарности в изучении эволюции наук о человеке, начиная с 1960-х годов, в недавней публикации Сьюзан Маршан: *Marchand S. Has the History of the Disciplines Had Its Day? // Rethinking Modern Intellectual History / D. McMahon, S. Moyn (eds). Oxford: Oxford University Press, 2014. P. 131–152.*

ятельное и самоценное. Исследования дисциплинарности в большинстве случаев рассматривались их авторами как ключ к пониманию более общих вопросов — логики и практики конституирования, организации и функционирования науки в целом. При этом сама наука осмыслялась аналитиками как социальный феномен (что разделяли, например, далеко не все историки науки). На уровне концепций и конкретных исследований подобная социальная ориентированность означала приоритетное внимание к институциональной и административной организации науки — значимым контекстам, структурам, сообществам, регулирующим механизмам.

Приоритетной для Роберта Мёртона, который справедливо рассматривается как один из «отцов-основателей» социологии науки³, и для многих его коллег, позднее безоговорочно признавших значимость его работ, стала проблематика мотивации и этоса академического труда в прошлом и настоящем, а не истоки его разделения и специализации⁴. В историографии науки первой половины XX столетия обычно выделяют два важнейших подхода — интерналистский (сосредоточенный на имманентном анализе и влиянии философских концепций на формулировку научных положений) и экстерналистский (для которого главным было социальное, «внешнее» видение научной эволюции). Однако декларации об общественной детерминированности науки в рамках экстерналистского подхода так и не стали основой глубокого и детального анализа социального устройства академического поля применительно к прошлому. Появление статей по социологии механистического мировоззрения раннего Нового времени у авторов из Франкфуртского института социальных исследований, Франца Боркенау или Генрика Гроссмана (середины 1930-х годов), а также публикации философа-эмигранта Эдгара Цильзеля⁵ тоже не сделали науку и ее историю приоритетной для «мейнстримных» социологических исследований в 1930–

³ Речь идет о докторской диссертации Мёртона «Наука, технология и общество в Англии XVII века» (1938). О контекстах его раннего творчества см.: *Nichols L. Merton as Harvard Sociologist: Engagement, Thematic Continuities and Institutional Linkages // Journal of the Behavioral Sciences*. 2010. Winter. Vol. 46. No. 1. P. 72–95.

⁴ См. его итоговый труд, куда вошли работы разных лет: *Merton R.K. The Sociology of Science*. Chicago: The University of Chicago Press, 1973. О Мёртоне как социологе науки существует большая литература; укажем лишь недавнюю книгу: *Robert K. Merton: Sociological Theory and the Sociology of Science / C. Calhoun (ed.)*. N.Y.: Columbia University Press, 2010, и специальный выпуск петербургского журнала «Социология науки и технологий» (2011. № 2).

⁵ *Дмитриев А.Н.* Марксизм без пролетариата: Георг Лукач и ранняя Франкфуртская школа в 1920–1930-х гг. М.; СПб.: Летний сад; ЕУСПБ, 2004. С. 374–376; *Zilsel E.* The Sociological Roots of Science // *American Journal of Sociology*. Vol. XLVII. 1942. P. 544–562 (недавно перепечатано в кн.: *Zilsel E.* The Social Origins of Modern Science / D. Raven, W. Krohn, R.S. Cohen (eds). Dordrecht: Kluwer Academic Publishers, 2000).

1950-е годы⁶. Постоянный и массовый интерес к исследованию разных научных дисциплин возник в социологии скорее уже в 1960-х и представлял собой реакцию на «внешний вызов»⁷ — работы Томаса Куна «Структура научных революций» (1962) и Дерекка де Солла Прайса «Малая наука, большая наука» (1963). Важной чертой предложенного Куном подхода, помимо известной парадигмальной модели эволюции научного знания, был акцент на сообществах как важнейших факторах развития науки⁸. Именно этот акцент был понятен и близок социологам, не только рассматривавшим сообщества как один из ключевых элементов социальной организации, но и накопившим значительный опыт их эмпирического исследования.

Именно эмпирическая ориентированность исследований, их направленность на верификацию гипотез о принципах специализации научного знания образует выраженную специфику социологического подхода 1960-х. Это отличие декларируется самими исследователями, стремившимися перейти от абстрактных теоретизаций в стиле Томаса Куна к описанию сложившейся ситуации. Проявившийся интерес к дисциплинарному делению неслучаен. Большинство аналитиков того времени рассматривает дисциплины как относительно самостоятельные образования, структурирующие академическую жизнь⁹. Подобный подход закрепляет «натурализованное», не-конструктивистское представление о дисциплинах как о стабильных механизмах регуляции научной жизни и структурах, задающих коллективные и индивидуальные траектории. Периодические напоминания о «производности» дисциплинарности от состояния академических сообществ и структур оказываются скорее декларациями, чем устойчивыми аналитическими установками.

1. Наука как система знаний и способ организации академических сообществ

Норман Сторер — один из первых исследователей, попытавшихся во второй половине 1960-х годов эмпирически зафиксировать связь между

⁶ Причиной могла быть и явная марксистская ангажированность экстерналистского мировоззрения: *Shapin S. Discipline and Bounding: The History and Sociology of Science as Seen through the Externalism-Internalism Debate // History of Science. Vol. 30. 1992. P. 333–369.*

⁷ *Crane D. How Scientists Communicate — a Citation Classic Commentary on Invisible-Colleges — Diffusion of Knowledge in Scientific Communities. 1989. P. 18. <<http://garfield.library.upenn.edu/classics1989/A1989AU43700001.pdf>>.*

⁸ См.: *Jacobs S., Mooney B. Sociology as a Source of Serious Anomaly in Thomas Kuhn's System of Science // Philosophy of the Social Sciences. 1997. Vol. 27. No. 4. P. 466–485.*

⁹ См., например: *The Sociology of Science / B. Barber, W. Hirsch (eds). N.Y.: The Free Press, 1962; Cole S., Cole J.R. Social Stratification in Science. Chicago: University of Chicago Press, 1973.*

дисциплинарным делением и особенностями академического взаимодействия. Анализировать науку социологически, в версии Сторера, означало задействовать двойную перспективу — рассматривать ее и как систему знаний, и как способ организации жизни и взаимодействия академических сообществ. Предполагалось, что обе составляющие подхода не только взаимосвязаны, но и взаимообусловлены: особенности производимого знания оказывают влияние на характер отношений в академических сообществах, а способ организации сообществ производит атмосферу или настроение, влияющие на производство знаний. Однако в реальности Сторера интересовал лишь первый сюжет — влияние дисциплинарности на жизнь академических сообществ.

Для характеристики систем знаний в текстах, опубликованных в 1967 и 1972 гг., Сторер использовал дихотомию «мягкие — жесткие»¹⁰. Основным критерием деления научных областей (или дисциплин) для него выступала степень их внутренней согласованности — наличие четких конвенций производства знания. Предполагалось, что в жестких дисциплинах такие конвенции эксплицированы и в значительной мере разделяются сообществами, а в мягких — намечены абрисно, по их поводу не существует устойчивого согласия. Внятность и согласованность конвенций не является для Сторера декларацией или метафорой. Эти характеристики могут быть операционализованы, а значит и измерены. Индикаторами внятности и согласованности становятся: во-первых, использование стандартного максимально объективированного (в основном математического) языка представления результатов исследования и соответственно академической коммуникации, во-вторых, обезличенность академических текстов¹¹. Введение унифицированных стандартов производства знаний и способов их оценки виделось как крайне важный механизм консолидации, позволяющий удерживать вместе «слишком человеческие» академические сообщества, нередко действующие в логике дара. Это задавало явный приоритет жестких («настоящих», естественно-научных) дисциплин относительно мягких (социальных или гуманитарных).

Сторер поддерживал идею Уоррена Хагстрема¹² об особой рациональности академической работы, согласно которой она выступала не только

¹⁰ *Storer N.W.* The Hard Sciences and the Soft: Some Sociological Observations // *Bulletin of the Medical Library Association*. 1967. Vol. 55. P. 75–84; *Idem.* Relations among Scientific Disciplines // *Social Contexts of Research* / S.Z. Nagi, R.G. Corwin (eds). N.Y.: Wiley, 1972. P. 229–268.

¹¹ Интересно, что степень обезличенности академических текстов, с точки зрения Сторера, проявляется в способах цитирования: так, упоминание имени автора наряду с фамилией рассматривается им как более лично вовлеченный стиль академического письма, отражающий и одновременно формирующий более плотные отношения в академическом сообществе.

¹² См.: *Hagstrom W.O.* The Scientific Community. N.Y.: Basic Books, 1965.

и не столько способом достижения экономических выгод или получения другого рода бонусов (карьерного продвижения и т.п.), сколько крайне персонифицированным обменом дарами — результатами исследований. Согласно этой логике, академическое сообщество само признает и оценивает представляемые результаты работы. Именно признание сообщества становится основной единицей академического обмена. В ситуации столь сильной зависимости научной жизни от реакции сообществ и отношений объективированные дисциплинарные конвенции виделись эффективным способом интеграции, поддержания хоть и зыбкой, но целостности.

Появившись в конце 1960-х годов, работы Сторера какое-то время оставались практически незамеченными за пределами довольно узкого поля социологии науки¹³, поэтому сложно говорить о прямой преемственности или об особом влиянии высказанных в них идей на направление научного поиска в исследованиях дисциплинарности в 1970-х.

Именно в это время ряд авторов ставит под сомнение достаточно очевидную для Сторера и других исследователей мысль о производстве дисциплинарного деления преимущественно/исключительно в рамках исследовательской работы. В своих текстах они демонстрируют множественность социальных арен и соответствующих им механизмов производства дисциплинарности, хотя и не вполне четко артикулируют важность совершаемого ими аналитического поворота. Сначала Хэрриет Заккерман и Роберт Мёртон¹⁴ обращают внимание на научные журналы как механизмы поддержания и артикуляции дисциплинарных конвенций и консенсуса относительно «теорий, методологии, техник и проблематики исследования» (Кун). Они же отмечают связь «жесткости» и «мягкости» дисциплины (или степени дисциплинарного консенсуса) и практик отказов в принятии рукописей к публикации. Почти одновременно с ними Джэнис Лодал и Джералд Гордон¹⁵ расширяют пространство производства дисциплинарности, включая в него наряду с исследовательской деятельностью и преподавание — вид деятельности и социальную арену, которая со временем будет идентифицирована как безусловное основание и главная движущая

¹³ См.: *Braxton J.M., Hargens L.L. Variations among Academic Disciplines: Analytical Frameworks and Research // Higher Education: Handbook of Theory and Research. Vol. 11. N.Y.: Agathon Press, 1996. P. 3.*

¹⁴ *Zuckerman H., Merton R.K. Patterns of Evaluation in Science: Institutionalization, Structure and Functions of the Referee System // Minerva. 1971. Vol. 9. No. 1. P. 66–100; Idem. Age, Aging, and Age Structure in Science // A Theory of Age Stratification / M.W. Riley, M. Johnson, A. Foner (eds). Vol. 3. Of Aging and Society. N.Y.: Russell Sage Foundation, 1972. P. 292–356.*

¹⁵ *Lodahl J.B., Gordon G. The Structure of the Scientific Fields and the Functioning of University Graduate Departments // American Sociological Review. 1972. Vol. 37. P. 57–72.*

сила дисциплинарного деления (во всяком случае, для американского академического сообщества). Особый интерес в 1970-е годы вызывали сюжеты распределения статусов и соотношения неформальных и формальных иерархий в разных дисциплинах — в том числе через формальные показатели (от объемов цитирования до наград, премий специализированных ассоциаций и т.д.).

Связь дисциплинарного деления с преподаванием — отправная точка рассуждений Энтони Биглана в двух известных публикациях начала 1970-х годов. Однако для него важна не констатация связи высшего образования и дисциплинарности, закрепившаяся в административном делении американских университетов по принципу «один факультет — одна дисциплина»¹⁶, и не рассмотрение университетов как социальных оснований дисциплинарности. Его интересует более детальный вопрос — в чем именно заключается дисциплинарное деление и каким образом оно определяет (если определяет вообще) различия организационной структуры и академические практики ученых. Логика и специфика дисциплинарного деления не являются априорными категориями, они устанавливаются Бигланом в ходе эмпирического исследования. С помощью опроса и последующего многомерного шкалирования он определяет основания дисциплинарного деления, существующие в представлениях университетских сотрудников. Всего обнаруживаются три устойчивых смысловых вектора, позволяющих классифицировать дисциплины: «мягкие — жесткие», «прикладные — фундаментальные», «науки о живой и неживой природе». Основанием деления в первом случае выступает уже упоминавшийся дисциплинарный консенсус — наличие разделяемой парадигмы, определяющей теоретические рамки, методы и направления исследования, во втором — возможность практического применения результатов исследования, в третьем — его тематический фокус¹⁷.

Дисциплинарное деление, согласно результатам Биглана, — структура, объективирующаяся в способах организации академической и социальной жизни ученых, вызывающая к жизни особые практики и взаимодействия. В частности, дисциплинарная принадлежность определяет типы взаимодействия, соотношение исследовательской и преподавательской деятельности, типы и частоту публикаций. Так, постоянное сотрудничество, командная работа, соавторство гораздо чаще и в больших масштабах встречаются в «жестких» дисциплинах. Представители последних, в отличие от своих коллег в «мягких» дисциплинах, гораздо больше заинтересованы в иссле-

¹⁶ Biglan A. The Characteristics of Subject Matter in Different Academic Areas // Journal of Applied Psychology. 1973. Vol. 57. No. 3. P. 195.

¹⁷ Ibid. P. 195–203.

довательской работе и гораздо меньше в преподавании, они реже издают монографии и чаще публикуют статьи в академических журналах¹⁸. Эти идеи Биглана неоднократно вызывали споры в специальной социологической литературе по проблематике высшего образования¹⁹.

В 1960–1970-е годы именно социология как гуманитарная дисциплина чаще всего привлекалась исследователями (например, Н. Маллинзом или С. Коулом) для сравнительного анализа устройства «субполей» и микрогрупп, цитатного поведения, взаимоотношения ядра и фронта в «мягких» дисциплинах и естественных науках. При этом последние выступали не равноправным с другими науками объектом анализа, а эталоном научной организации²⁰. Прошлое развитие исторической науки, классических дисциплин или филологии в их динамике не рассматривались как заслуживающий внимания социолога предмет описания рядом с современной и динамичной жизнью департаментов физики, генетики или хотя бы политологии. Социологические исследования на сравнительно-историческом материале (как у израильского социолога Джозефа Бен-Дэвида²¹, например) оставались заметными исключениями, но никак не правилом.

Известная исследовательница антропологии научного производства («manufacturing»), Карин Кнорр-Цетина, достаточно беспелляционно утверждает, что вскоре после своего появления социология науки превратилась в социологию академических сообществ²². Данная траектория во многом обозначилась благодаря работам последователей Роберта Мёртона, сосредоточенных на анализе социальной организации академической жизни. Хотя и здесь можно говорить о тематических предпочтениях, в частности, — об исследовании академических иерархий, их социальных основа-

¹⁸ См.: Biglan A. Relationships between Subject Matter Characteristics and the Structure and Output of University Departments // *Journal of Applied Psychology*. 1973. Vol. 57. No. 3. P. 204–213.

¹⁹ См., например: Schommer-Akins M., Duell O.K., Barker S. Epistemological Beliefs across Domains Using Biglan's Classification of Academic Disciplines // *Research in Higher Education*. 2003. Vol. 44. No. 3. P. 347–366.

²⁰ Cole S. The Hierarchy of the Sciences? // *American Journal of Sociology*. 1983. Vol. 89. No. 1. P. 111–139.

²¹ Ben-David J., Zloczower A. Universities and Academic Systems in Modern Societies // *European Journal of Sociology*. 1962. Vol. 3. P. 45–84; Бен-Дэвид Д. Роль ученого в обществе [1971] / пер. с англ. М.: Новое литературное обозрение, 2014; Бен-Дэвид Д., Коллинз Р. Социальные факторы при возникновении новой науки: случай психологии [1966] // *Логос*. 2002. № 5–6. С. 79–103.

²² Knorr-Cetina K. Scientific Communities or Transepistemic Arenas of Research. A Critique of Quasi-Economic Models of Science // *Social Studies of Science*. 1982. Vol. 12. No. 1. P. 102.

ний и эффектов. У большинства исследователей анализ сосредоточивался на современных проблемах и эмпирическом изучении частных сюжетов, отдельных кейсов и исследовательских областей. Глубокий и масштабный, обогащенный антропологическими подходами, анализ иерархий в науке и соотношений истеблишмента и аутсайдеров, как у позднего Норберта Элиаса²³, оставался редкостью.

Ричард Уитли в своей работе 1976 г. «Зонтичные и политеистские дисциплины и их элиты» проблематизирует роль дисциплинарных элит в обозначении и поддержании границ научного поля²⁴. Дисциплинарное деление важно для Уитли не только как механизм, обеспечивающий внутреннюю организацию и консолидацию научного знания, но и как связка науки с более широким социальным окружением. Поддерживаемые университетскими департаментами и другими структурами, дисциплины осуществляют важные социальные функции — создают рынок труда и обеспечивают аккумуляцию и распределение ресурсов. Особую роль в этой связке дисциплин с внешним миром играют дисциплинарные элиты, выступающие в роли институциональных посредников. Они модернируют взаимодействие академического сообщества и социального окружения, «транслируют научным сообществам институциональные требования, сообщают об изменениях условий исследовательской деятельности и одновременно облачают изменения в исследовательской работе в некоторую институциональную форму»²⁵.

Увлеченность социологов науки исследованиями научных сообществ неоднократно подвергалась критике. В частности, Карин Кнорр-Цетина отмечала, что рассмотрение сообществ в качестве ключевого элемента научной организации необоснованно. Точнее, оно вполне допустимо как результат исследования, но не как исходная аналитическая посылка. Кнорр-Цетина вводит понятие трансэпистемических арен (*transepistemic arenas*) — социальных сетей, возникающих в ходе научной деятельности и находящихся как в рамках дисциплины, так и за ее пределами²⁶. Эта сеть образована различными агентами (коллегами, издателями, поставщиками необходимых материалов, заказчиками и многими другими), благодаря взаимодействию с которыми осуществляется научная работа. Именно это

²³ *Elias N. Scientific Establishments // Scientific Establishments and Hierarchies / N. Elias, H. Martins, R. Whitley (eds). Dordrecht: Reidel, 1982. P. 3–69.*

²⁴ *Whitley R. Umbrella and Polytheistic Scientific Disciplines and Their Elites // Social Studies of Science. 1976. Vol. 6. No. 3/4. P. 471–497.*

²⁵ *Ibid. P. 494.*

²⁶ *Knorr-Cetina K. Scientific Communities or Transepistemic... P. 101–130.*

разнообразии взаимодействующих агентов, а не искусственно выделенные исследователями академические сообщества является, по мнению Кнорр-Цетины, генераторами научной деятельности. При всем различии подходов и Уитли, и Кнорр-Цетина указывают на необходимость преодоления аналитического изоляционизма дисциплинарных исследований, включения дисциплин в более широкие социальные контексты. Важным достижением социологии науки конца 1960-х годов стало широкое распространение тезиса Дерека де Солла Прайса и Дайаны Крейн о функционировании «невидимых колледжей»²⁷ в институциональных структурах организованной науки. Одним из важнейших показателей существования и важности плюралистичных и неформальных исследовательских групп внутри «больших» дисциплинарных модулей стали наукометрические показатели (которые стали изучаться вслед за пионерскими исследованиями Юджина Гарфилда)²⁸.

2. От дисциплинарной «автономии» к социальным контекстам производства и поддержания дисциплинарности

Уже в 1970-е годы происходит значимый поворот в изучении дисциплинарности. Сохраняя социологический вектор изучения науки, исследователи предпринимают попытку выйти за пределы отчетливо обозначившейся аналитической колеи — превращения социологии науки в исследования *только* научных сообществ и логик их организации. Побочным эффектом подобных аналитических приоритетов становится аналитически сконструированная автономия научного знания: интересы исследователей нередко ограничивались изучением внутренних структур, позволяющих производить и поддерживать дисциплинарные поля, а более широкие социальные контексты оставались вне сферы рассмотрения.

Понятия и требования «междисциплинарности» начинали все более активно проникать в дискурс науковедов с середины 1960-х годов. К этим дебатам подключались и сами практикующие ученые, недовольные слишком жесткими рамками исследовательской работы²⁹. Среди участников

²⁷ Crane D. *Invisible Colleges: Diffusion of Knowledge in Scientific Communities*. Chicago: University of Chicago Press, 1972.

²⁸ См. оперативно опубликованные в СССР еще в середине 1970-х годов переводы: Крейн Д. Социальная структура группы ученых: проверка гипотезы о «невидимом колледже» // Коммуникация в современной науке. М.: Наука, 1976. С. 183–218; [Сола] Прайс Д.Дж., Бивер Д. Сотрудничество в «невидимом колледже» // Там же. С. 335–350.

²⁹ См. известный очерк психолога и основоположника «эволюционной эпистемологии», Дональда Кэмпбелла: *Campbell D.T. Ethnocentrism of Disciplines and the Fish-Scale Model of Omniscience // Interdisciplinary Relationships in the Social Sciences / M. Sherif, C.W. Sherif (eds)*. Chicago: Aldine Press, 1969. P. 328–348.

представительной конференции по этой проблематике, собравшихся под патронажем Организации по экономическому сотрудничеству и развитию в 1970 г. в Ницце, и авторов вскоре вышедшего сборника были британский историк Аза Бриггс и швейцарский психолог Жан Пиаже. Именно там и были впервые введены в оборот ставшие затем стандартными определения меж-, поли- и трансдисциплинарности³⁰. Как ретроспективно отмечал уже в XXI в. видный американский социолог и историк науки Саймон Шеффер, на распространение идей междисциплинарности в академической сфере в очень большой степени повлияли импульсы обновления, связанные с протестными студенческими движениями 1968 г.³¹

Авторы сборника «Перспективы рассмотрения возникновения научных дисциплин» под редакцией социологов и историков Жерара Лемана, Роя Маклеода, Майкла Малкея и Питера Вейнгарта (1976)³² предлагали компромисс традиционных и новых тематических фокусов. В центре внимания авторов — влияние социальной организации науки и значимых внешних контекстов на дисциплинарные изменения. Особый интерес для исследователей представляет появление новых предметных полей или заметные мутации уже существующих (генетики, радиоастрономии, физической химии). Внимание к дисциплинам, находящимся в процессе становления, меняет ряд базовых представлений об устройстве дисциплинарных полей. Во-первых, подчеркивается особая значимость и активность самих ученых в процессе формирования оснований дисциплинарности. Во-вторых, дисциплинарные границы рассматриваются как гибкие, формируемые агентами в процессе их перемещений, связанных с открытием новых тематических приоритетов. «Исследователи обычно перемещаются в сферы, определяемые ими как наиболее интересные или перспективные, лишь немногие сохраняют верность полю, после того как тематические приоритеты давно поменялись»³³. В-третьих, подчеркивается важность внешних структур — государства, крупного бизнеса — для развития дисциплинарности. Такое влияние может быть опосредованным и осуществляться через ближайшее институциональное окружение, например университет. Так, при сокращении государственного финансирования решения о внутреннем

³⁰ См.: *Jantsch E. Toward Interdisciplinary and Transdisciplinarity in Education and Innovation // Interdisciplinarity: Problems of Teaching and Research in Universities / L. Apostel et al. (eds). P.: Center for Educational Research and Innovation, OECD, 1972. P. 97–121.*

³¹ *Schaffer S. How Disciplines Look // Interdisciplinarity. Reconfigurations of the Social and Natural Sciences / A. Barry, G. Born (eds). L.: Routledge, 2013. P. 60–61.*

³² *Perspectives on the Emergence of Scientific Disciplines / G. Lemaine et al. (eds). Illinois: Aldine Publishing Company, 1976.*

³³ *Ibid.* P. 7.

распределении финансов, а значит и о поддержке департаментов (дисциплин), принимаются университетом самостоятельно. Но влияние бизнеса или государства может быть прямым и осуществляться посредством заказов на исследования, ведущих к созданию явных дисциплинарных приоритетов. Типичным примером последнего во многих социологических текстах выступают военные заказы времен Холодной войны, обусловившие стремительный рост ряда научных областей, например ядерной физики. Исследования конца 1970-х продолжали изучение дисциплинарности скорее в модусе «завершенного времени», через призму нарастающего взаимодействия различных областей знания³⁴. Структурные особенности прошлого дисциплинарного развития были тогда приоритетом изучения, скорее, для историков образования, чем для социологов науки (особенно выделим цикл статей Р.С. Тёрнера³⁵).

Еще одна попытка рассмотреть дисциплинарность в более широком социальном контексте предпринимается Пьером Бурдьё в книге «Homo Academicus»³⁶, опубликованной в 1984 г. Бурдьё продолжает аналитическую линию, намеченную им еще в «Наследниках...»³⁷, и рассматривает академическую сферу как частный случай действия универсальных социальных механизмов: конкуренции, социальной дифференциации и др. Результаты эмпирического исследования, на которые ссылается Бурдьё, свидетельствуют, что современные французские университеты — вовсе не социальные лифты, позволяющие «способному индивиду» изменить свое положение, а арены демонстрации социального неравенства. Принадлежность к академии увеличивает культурный капитал у выходцев из среднего класса (уже предуготовленных происхождением для подобной карьеры), усиливая социальную дистанцию ученых и внося существенную лепту в укрепление существующего социального неравенства.

Но Бурдьё обращался не только к анализу носителей знания, но и к его содержанию, а также к культурному контексту становления тех или иных дисциплин. Так, выделение филологии как самостоятельной инстанции,

³⁴ См. часто цитируемую статью: *Swoboda W. Disciplines and Interdisciplinarity: A Historical Perspective // Interdisciplinarity and Higher Education / J.J. Kockelmans (ed.). University Park: Pennsylvania State University Press, 1979. P. 49–92.*

³⁵ *Turner S.R. The Growth of Professorial Research in Prussia, 1818–1848 // Historical Studies in the Physical Sciences. 1971. Vol. 3. P. 137–182; Idem. The Prussian Universities and the Concept of Research // Internationales Archiv für Sozialgeschichte der Deutschen Literatur. Bd. 5. 1980. S. 68–93.*

³⁶ *Bourdieu P. Homo Academicus. Stanford: Stanford University Press, 1988.*

³⁷ *Bourdieu P., Passeron J.C. The Inheritors: French Students and Their Relation to Culture. Chicago: Chicago University Press, 1979.*

обеспечивающей *внутренний* характер механизма легитимации/иллеgitимации литературных произведений, является фрагментом и необходимой составной частью «автономизации поля литературы». В общем виде у Бурдьё теоретическое «самообеспечение» автономизирующихся полей представлено следующим образом: «Процесс дифференциации сфер человеческой деятельности, который сопутствует развитию капитализма, и, в частности, конструирование универсумов, обретших относительную независимость и управляемых по собственным законам, создает условия, благоприятные для построения “чистых” теорий (в экономике, политике, праве, искусстве и т.д.)»³⁸. Озабоченность такой очищенностью — например, от исторических случайностей или прямых силовых воздействий — на уровне сложных познавательных конструкций воспроизводит исходную абстракцию, в производстве которой уже задействованы специфические социальные факторы и источники разделений «высших» и «подчиненных» порядков. Предлагая построить «социологию чистой теории», в качестве объектов приложения в примечании к данному тезису Бурдьё указывает лингвистику Соссюра, правоведение Кельзена, политэкономия Вальраса и формалистскую теорию искусства Вельфлина. Ученики и соратники Бурдьё в 1970–1990-е годы выпустили ряд содержательных социологических исследований, посвященных эволюции тех или иных гуманитарных дисциплин, в основном философии, а также социальной истории университетов (Ж.-Л. Фабиани, Л. Пэнто, К. Шарль).

Вместе с тем, согласно Бурдьё, автономия отдельных дисциплинарных полей не является абсолютной, она всегда более или менее относительна. Значимость и место той или иной отрасли знания в общей системе современных наук диктуется сложной совокупностью факторов, в основе которых лежат культурные традиции, административно-научные притязания, соотношение соответствующих капиталов и особая роль государства как спонсора и заказчика многих социально-научных исследований.

Но мейнстрим стандартной социологии научных организаций в 1990-е годы составили, скорее, работы Ричарда Уитли³⁹, а также Майкла Гиббонса и его группы исследователей, в состав которой входили Хельга Новотны, Питер Скотт и др.⁴⁰ Уитли и «группа Гиббонса» едины в своем стремлении расширить понимание дисциплинарности. Дисциплинарное деление для них

³⁸ Бурдьё П. Рынок символической продукции // Вопросы социологии. 1993. № 1–2. С. 50.

³⁹ Whitley R. The Intellectual and Social Organization of the Sciences. 2nd ed. Oxford, N.Y.: University of Oxford Press, 2000.

⁴⁰ Gibbons M. et al. The New Production of Knowledge: The Dynamics of Science and Research in Contemporary Societies. L.: Sage, 1994.

не что иное, как производная от постоянно меняющейся общей системы отношений науки с наиболее влиятельными общественными институтами и группами. По мнению Гиббонса и его соавторов, во второй половине XX в. окончательно меняется система научного производства: происходит переход от знания, основанного на дисциплинарном делении (способ 1), к знанию, основанному на применении результатов (способ 2). До второй половины XX в. прагматическая ориентированность научного знания не считается строго обязательной. Знание производится постоянными научными коллективами в рамках устойчивых структур, в основном университетов. Именно университеты долгое время являются социальной основой дисциплинарного деления. Они обеспечивают устойчивость и управляемость конкретных областей знания стабильными и долговременными единицами административного управления (факультетами, кафедрами, лабораториями), заодно производя и дисциплинарные границы. Высокая автономия научного поля, таким образом, поддерживается внутренними административными структурами. Автономия научного поля выступает благодатной почвой появления и расцвета дисциплинарных элит. В их руках сосредотачиваются механизмы дисциплинарного управления — принятие решений о приоритетных исследовательских направлениях, а также их финансовой поддержке.

Однако как отмечают авторы тезиса о новом способе производства знания, во второй половине XX в. происходит реконфигурация производства научного знания, меняющая — или, точнее, отменяющая, — по мнению аналитиков, основания дисциплинарного деления. Причина изменений — повышение ценности проблемно-ориентированного знания. Резко возрастает заинтересованность государства и крупного бизнеса, а также более мелких агентов в научном знании и главное — в прикладных результатах научных исследований. Именно эти агенты осуществляют финансирование исследований, а значит — приобретают право формулировать собственные критерии оценки произведенного знания, не сводимые к научным. Таким образом, дисциплинарное деление утрачивает один из значимых механизмов поддержания дисциплинарных границ — механизм внутренней экспертизы. Теперь критерии оценки устанавливаются не только и не столько научным сообществом, сколько широким кругом агентов: заказчиков, потребителей, публичных экспертов. Помимо этого проблемно-ориентированное знание действует в трансдисциплинарной логике: его основными производителями становятся проектные команды, объединяющие специалистов в различных областях. Эти команды существуют непродолжительное время, достаточное для решения определенной задачи. В них минимизирована профессиональная иерархия: будучи представителями разных дисциплин, их участники не могут наследовать дисциплинарную стратификацию. Все

эти обстоятельства, плюс принципиальное изменение значения университетов в современном мире — уменьшение их автономии, ослабление их возможностей самостоятельно поддерживать научные исследования — также приводят к размыванию дисциплинарности, как и ослабление ее социальных оснований (университетов и дисциплинарных элит⁴¹). Длительно существующие структуры, а значит и их производные в виде дисциплинарности, объявляются не соответствующими современному социальному запросу и постоянно усиливающейся профессионализации знания.

Далеко не все исследователи приняли тезис Гиббонса и его единомышленников о революции в «производстве науки» без оговорок; особенно слабой и схематичной представлялась критикам историческая экспозиция смены способов производства знания⁴². Этот тезис был явно зависимым от более масштабной (и в целом более гибкой) концепции «общества знания», предложенной Нико Штером еще в середине 1980-х годов⁴³. Ответом на идею нового способа производства знания стала более детальная разработка проблемы взаимодействия публичной, предпринимательской и академической деятельности. Генри Ицковиц (Стэнфордский университет) и Лойет Лейерсдорф (Амстердамский университет) в середины 1990-х годов предложили анализ взаимодействия трех этих сфер — науки, общества и индустрии — по модели «тройной спирали»⁴⁴. Как и в модели ДНК, речь шла об устойчивом воспроизводстве *разных* типов связей, в том числе дисциплинарных (в духе теорий дифференциации Никласа Лумана), но не об их диффузии и «растворении» в качественно иных типах организаций. При этом акцент был сделан на приспособление к меняющимся реалиям традиционных институций, вроде университета, а не новые модели как таковые,

⁴¹ Whitley R. The Intellectual and Social Organization... P. XVII.

⁴² См., например: Pestre D. The Production of Knowledge between Academies and Markets: A Historical Reading of the Book 'The New Production of Knowledge' // Science, Technology & Society. 2000. Vol. 5. No. 2. P. 169–181 (и ответ Хельги Новотны в том же выпуске журнала); Hansen J. Mode 2, Systems Differentiation and the Significance of Politico-Cultural Variety // Science, Technology & Innovation Studies. 2009. Vol. 5. No. 1. P. 67–85.

⁴³ Пионерской была конференция в 1984 г. в Дармштадтском техническом университете, материалы которой вошли в международный ежегодник по социологии науки: The Knowledge Society: The Growing Impact of Scientific Knowledge on Social Relations / G. Boehme, N. Stehr (eds). Dordrecht: Reidel, 1986. Более детально этот подход изложен в авторской книге: Stehr N. Knowledge Societies. The Transformation of Labour, Property and Knowledge in Contemporary Society. L.: Sage, 1994.

⁴⁴ Ицковиц Г. Тройная спираль. Университеты — предприятия — государство. Инновации в действии / пер. с англ. Томск: Изд-во Томск. гос. ун-та систем управления и радиоэлектроники, 2010.

и реалии дисциплинарного деления там рассматривались как устойчивые и достаточно перспективные. И если в 2000-е годы тезисы «группы Гиббонса» были несколько скорректированы самими авторами (в частности, менее оптимистичной и односторонней стала картина актуальных тенденций организации научных исследований)⁴⁵, то бывшие ранее в тени работы сторонников «тройной спирали» сохранили популярность за счет интереса к ним университетских администраторов и практиков академической сферы, особенно на периферии «первого мира»⁴⁶.

3. «Академические племена и территории»: базовые посылки и изменение аналитических траекторий

Тексты 1980-х и начала 1990-х годов фактически определяют приоритетные направления дискуссии на следующие полтора десятилетия. Их важнейший итог — проблематизация дисциплинарности: превращение ее из данности в предмет исследования. По сравнению со «стандартными» социологическими подходами к аналитическим инструментам исследователей добавились концептуальные новации из области философии или антропологии, а также риторики научного знания (особенно отметим работы Стива Фуллера в духе «социальной эпистемологии» или идеи культурных разграничений в функционировании науки⁴⁷). Идеи Бруно Латура о технауке или его понимание «агенсу» также использовались для переопределения прежних сюжетов, связанных с экологией дисциплин, — например, в известной статье о взаимодействии профессионалов и любителей в американской зоологии первой половины XX столетия⁴⁸.

⁴⁵ Nowotny H., Scott P., Gibbons, M. Re-Thinking Science: Knowledge and the Public in an Age of Uncertainty. Cambridge: Polity Press, 2001; *Idem*. “Mode 2” Revisited: The New Production of Knowledge // *Minerva*. 2003. Vol. 41. No. 3. P. 179–194.

⁴⁶ См. развернутый сопоставительный анализ двух этих концептуальных схем у Терри Шинна: *Shinn T.* The Triple Helix and New Production of Knowledge: Prepackaged Thinking on Science and Technology // *Social Studies of Science*. 2002. Vol. 32. No. 4. P. 599–614 и общий обзор: *Hessels L.K., van Lente H.* Re-Thinking New Knowledge Production: A Literature Review and a Research Agenda // *Research Policy*. 2008. Vol. 37. P. 740–760.

⁴⁷ *Fuller S.* Disciplinary Boundaries and the Rhetoric of the Social Sciences // *Poetics Today*. 1991. Vol. 12. No. 2. P. 301–325; *Gieryn T.F.* Cultural Boundaries of Science: Credibility on the Line. Chicago: University of Chicago Press, 1999.

⁴⁸ *Star S.L., Griesemer J.R.* Institutional Ecology, “Translations” and Boundary Objects: Amateurs and Professionals in Berkeley’s Museum of Vertebrate Zoology, 1907–1939 // *Social Studies of Science*. 1989. Vol. 19. No. 4. P. 387–420.

Вышедшая в свет в 1989 г. книга Тони Бичера «Академические племена и территории. Интеллектуальный поиск и дисциплинарные культуры»⁴⁹, предложившая основной категориальный аппарат и определившая почти на два десятилетия направление дискуссии, была посвящена рассмотрению центров и механизмов структурирования научного поля. Книга выдержала три переиздания (1989, 2001 и 2012), и каждое из них можно рассматривать как своеобразное подведение итогов предыдущего десятилетия. Основываясь на предположении, что академическая культура определяется наиболее сильными игроками — главными университетами (членами «Лиги Плюща» в США или «Оксбриджем» в Великобритании) и ведущими профессионалами (чей статус формально выражается в занятии высоких университетских позиций), Тони Бичер описывал формирование академической культуры в наиболее престижных университетских центрах и последующее повторение стратегий успешных и признанных игроков другими участниками академического пространства. Территории (преимущественно дисциплинарные и университетские) рассматривались как факторы, которые оказывают решающее влияние на конфигурации и иерархии «академических племен» — исследовательских сообществ, связанных общими практиками, ценностями и установками⁵⁰, и в значительной мере определяют жизненные траектории входящих в них ученых.

В основе второго издания книги (написанного в соавторстве с Полом Траулером) лежит определенное сомнение в действенности академических иерархий. Это связано с двумя обстоятельствами. Во-первых, с пониманием непостоянства «превосходства» отдельных исследователей. Ссылаясь на известное высказывание Клиффорда Гирца: «Большинство людей в своей карьере лишь несколько лет находятся “в центре событий”. Все остальное время — в различной степени и с различной скоростью они “идут по наклонной”»⁵¹, — авторы признают, что процесс занятия учеными ведущих академических позиций — явление кратковременное и изменчивое. Во-вторых, в ситуации радикальных изменений системы высшего образования, происшедших в 1990-е годы, иерархизация утрачивает прежнее значение — академическое пространство становится более диверсифицированным, обладающим множеством центров влияния. Авторы обращают внимание на то, что «изменение сил, действующих на современное высшее

⁴⁹ *Becher T. Academic Tribes and Territories: Intellectual Enquiry and the Cultures of Disciplines. Bristol, PA: Open University Press, 1989.*

⁵⁰ См.: *Becher T., Trowler P. Academic Tribes and Territories: Intellectual Enquiry and the Cultures of Disciplines. 2nd ed. Philadelphia: Open University Press. 2001. P. 23.*

⁵¹ Цит. по: *Ibid. P. 27.*

образование по всему миру, привели к увеличению и усилению факторов, действующих на современное высшее образование»⁵². К числу наиболее действенных факторов, по их мнению, относятся: массовизация — радикальное увеличение количества студентов, маркетизация — экономизация академического пространства, влияние спроса (запросов абитуриентов и студентов) на предложение (содержание учебных программ, прагматическую ориентированность программ и курсов), глобализация высшего образования — формирование согласованных образовательных стандартов. В ситуации массовизации образования элитный университет не может в полной мере задавать стандарты университету «массовому», что ведет к диверсификации стандартов обучения, а значит и дисциплинарных конфигураций. Кроме того, сама структура университета становится более разнородной — одни факультеты приобретают влияние, другие его утрачивают. Все это затрудняет разговор об универсальных иерархиях, бывший возможным еще в конце 1980-х. Напомним, что для многих исследователей академической жизни начала 1990-х был характерен постмодернистский подход и сугубо позитивное восприятие «креативной маргинальности», в том числе и в социальных науках, даже в академической социологии с ее довольно жесткими дисциплинарными стандартами⁵³.

Сборник «Племена и территории в XXI веке. Переосмысляя значение дисциплин в высшем образовании», вышедший в свет в 2012 г. под редакцией Пола Траулера, уже не исходит из априорного признания важности дисциплинарности, но ставит задачу определить ее значение, релевантность и влияние в современной системе высшего образования. Вступительная статья Пола Траулера, задающая тон дальнейшей дискуссии, посвящена проблематизации самого понятия «дисциплина» и выявлению основных подходов к пониманию феномена. При этом уточнение значения термина очевидным образом не является схоластической задачей — «уточнением ради уточнения». Напротив, четкость интерпретации термина определяет основные фокусы рассмотрения и акценты концептуализации феномена, задавая направленность исследований. Траулер констатирует отказ большинства современных аналитиков от эссенциалистских трактовок дисциплинарности. Новым вектором, определяющим направленность современных дебатов о дисциплинарности, становится размежевание ре-

⁵² Ibid. P. XIII.

⁵³ Характерный образец этого течения — довольно популярная книга: *Dogan M., Pahre R. Creative Marginality: Innovation at the Intersections of Social Science*. Boulder, CO.: Westview Press, 1990. Ср. намного более взвешенный анализ этих увлечений у известного американского историка идей Д. Холлинджера: *Hollinger D. The Disciplines and the Identity Debates, 1970–1995 // Daedalus*. 1997. Winter. P. 333–351.

лятивистского и практического подходов. Релятивистские интерпретации определяют дисциплины как социальные конструкты, выступающие инструментами реализации определенных социальных задач⁵⁴. В качестве типичных примеров релятивистских трактовок Траулер приводит интерпретации Питера Вейнгарта — Нико Штера и Стивена Тёрнера:

- Дисциплины — это интеллектуальные структуры, в которых происходит трансляция знания от одного поколения к другому. Они оказывают значительное влияние на структуру занятости — мир практик. <...> Дисциплины — не только интеллектуальные, но и социальные структуры, организации, образованные людьми, с интересами, основанными на временных инвестициях, репутациях и социальных сетях, создающие и определяющие представления о значимости производимого ими знания⁵⁵.
- Дисциплины — это картели, организующие рынки по «производству» и «сбыту» (трудоустройству) студентов, и вытесняющие за пределы рынка труда всех тех, кто не произведен картелем⁵⁶.

При определенной близости релятивистского и практического подходов, разделяющих идею дисциплин как социального конструкта, они отличаются признанием степени «дисциплинарного» реализма и уровнем анализа. Практический подход соединяет микро- и макроуровни анализа, при этом акцент делается на процесс *создания и трансформации дисциплинарных структур* действиями ученых. Кроме того, он признает значимыми некоторые «реальные» характеристики дисциплинарности — определенный уровень дисциплинарной согласованности практик, дискурсов, процедур, что является результатом механизмов унификации, действующих в пределах дисциплин. Практический подход предлагается Полом Траулером в новой версии «Академических племен и территорий»:

Дисциплины — это резервуары познавательных ресурсов, формирующие поведение, особые дискурсы, стили мышления, процедуры, эмоциональные ответы и мотивации. Все это образует систему диспозиций представителей определенных дисциплин, в свою очередь преобразующих их в ходе практической деятельности в совокупность локальных способов действия. В то время как отдельные практики могут конкурировать внутри дисциплины, существует

⁵⁴ См.: Trowler P. Disciplines and Interdisciplinarity. Conceptual Groundwork // Tribes and Territories in 21st Century. Rethinking the Significance of Disciplines in Higher Education / P. Trowler, M. Saunders, V. Bamber (eds). L.: Routledge, 2012. P. 7.

⁵⁵ Practicing Interdisciplinarity / P. Weingart, N. Stehr (eds). Toronto: University of Toronto Press, 2000. P. XI–XII.

⁵⁶ Turner S. What Are Disciplines and How Is Interdisciplinarity Different? // Practicing Interdisciplinarity. P. 51.

разделенный контекст о ключевых фигурах, конфликтах и успешности. Дисциплины по-разному самоорганизуются, формируют внутренние иерархии и разделяют влияние, реагируя на достижения и неудачи⁵⁷.

По мнению Траулера, несмотря на радикальные изменения дисциплинарного ландшафта, основными центрами производства дисциплинарности по-прежнему остаются университеты. Однако Траулер, как и ряд аналитиков, предлагает усложнить картину, поставив под сомнение способность категории «дисциплинарность» передавать смысловые нюансы сложившейся ситуации. В качестве альтернативной категории, более созвучной изменениям, происходящим в системе высшего образования, они предлагают задействовать категорию «предмета» (subject). Различие между дисциплинарностью и предметностью предлагается осмыслять как различие между исследовательской деятельностью и преподаванием. Дисциплинарное деление — более общее и абстрактное — считается применимым преимущественно к сфере исследовательского опыта — производству знаний, в то время как предметное — более четкое и фиксированное — к сфере преподавания (трансляции и потребления знаний): «Предмет — что-то очень конкретное и определимое, основанное на знании; то, что легко преобразуется в учебную программу и что самое важное — основано на количественных оценках»⁵⁸. Замена дисциплинарности предметностью, по мнению Пола Траулера и Дуны Сабри, обнаруживает общую тенденцию депрофессионализации «академиков» — их превращение из производителей в потребителей и трансляторов знаний, в «преподавателей» или «практиков», — а также общую ситуацию изменения высшего образования — усиление его прагматической ориентированности.

Эту прагматическую тенденцию последних десятилетий — примат технологической эффективности прикладного знания над теоретической когерентностью фундаментальной науки — особо подчеркнул в недавней обширной статье на страницах ежегодника «Osiris» авторитетный американский историк науки, Пол Форман, автор классической работы о влиянии культурного «релятивизма» веймарского периода на формулировку квантовой теории (1971). На основе детального анализа огромного массива исследовательской литературы он делает вывод о неуклонно продолжающемся с рубежа 1960–1970-х годов упадке интереса к дисциплинарному принципу развития знания эпохи модерна и фиксирует рост постмодернистской критики понятия

⁵⁷ Trowler P. Disciplines and Interdisciplinarity... P. 9.

⁵⁸ Sabri D. Absence of the Academic from Higher Education Policy // Journal of Education Policy. 2010. Vol. 2. No. 2. P. 49.

дисциплинарности⁵⁹. Нетривиальность и глубина подхода Формана важна для социологических оценок еще и потому, что Форман тщательно и последовательно дифференцирует понятия «дисциплины» и «профессии», которые часто отождествляются. Кроме того, он указывает, что представления о «дисциплине» как характеристике отдельной научной области сами являются достаточно новыми и формируются, по его мнению, лишь к 1930–1940-м годам (если судить по заголовкам книг и статей на основных европейских языках). Несмотря на критическое отношение к технологизации знания⁶⁰, его тезис совершенно не сводится к консервативному призыву вернуться к былым «золотым временам» расцвета дисциплинарности⁶¹.

4. Университет, рынок труда и дисциплинарная стабильность

Тезис Тони Бичера и Пола Траулера о влиянии системы высшего образования на дисциплинарное деление в полной мере поддерживается чикагским социологом Эндрю Эбботом. По его мнению, дисциплинарное деление формируется и воспроизводится жестким организационным устройством не научного, но образовательного поля. Эббот развивает социологический подход к пониманию дисциплинарности, определяя дисциплину как «группу ученых со взаимозаменяемыми профессиональными компетенциями (“exchangeable credentials”), собранных в устойчивые профессиональные объединения»⁶².

Конечно, Эббот был далеко не первым, кто обратился к анализу дисциплинарности, совмещая аналитические перспективы социологии профессии и социологии университетской жизни. Вообще, интерес к дисцип-

⁵⁹ *Forman P.* On the Historical Forms of Knowledge Production and Curation: Modernity Entailed Disciplinarity, Postmodernity Entails Antidisciplinarity // *Osiris*. 2012. Vol. 27. P. 56–97.

⁶⁰ Более подробно этот тезис, опираясь, в частности, на наследие Т. Веблена, Форман развил в специальной статье, представляющей собой, по сути, монографию о тенденциях самопонимания науки второй половины XX столетия: *Idem.* The Primacy of Science in Modernity, of Technology in Postmodernity, and of Ideology in the History of Technology // *History and Technology*. 2007. Vol. 23. No. 1. P. 1–152.

⁶¹ *Idem.* Recent Science: Late-Modern and Post-Modern // *Science Bought and Sold: Rethinking the Economics of Science* / P. Mirowski, E.-M. Sent (eds). Chicago: University of Chicago Press, 2002. P. 109–148.

⁶² *Abbott A.* The Disciplines and the Future // *The Future of the City of Intellect. The Changing American University* / S. Brint (ed.). Stanford: Stanford University Press, 2002. P. 207. Главным трудом Эббота по этой проблеме является книга: *Abbott A.* Chaos of Disciplines. Chicago: University of Chicago Press, 2001.

лиарности уже с 1980-х сосредоточивается на проблематике высшего образования и различий факультетов (а не только разделения исследовательского труда):

Учебное заведение — это специализированная форма, которая первой привлекает к себе внимание. Дисциплина — это специализированная форма организации, которая объединяет химиков с химиками, психологов с психологами, историков с историками. Она определяется предметом, т.е. областью знания. Профессия следует схожему принципу, объединяя схожих специалистов. <...> Именно дисциплинарная форма организации делала высшее образование во времени и пространстве по своей сути метанациональным и международным куда в большей степени, чем начальное или среднее образование⁶³.

Эббот указывает на необходимость анализа локальной специфики организации высшего образования, определяющей конфигурацию дисциплинарного деления. В частности, он отмечает, что своего рода флагманами дисциплинаризации как процесса, связанного с формированием профессиональных групп, являются американские университеты. Европейские же университеты в начале XX столетия развиваются по иным сценариям. Так, для немецких университетов дисциплинарное деление не представляется сколько-нибудь значимым до середины XX в.⁶⁴, поскольку в них центральными фигурами долгое время остаются отдельные профессора: в значительной мере траектории развития и исследований, и преподавания определяют именно они, а не «сообщества равных» (и взаимозаменяемых) специалистов, что характерно для Америки. Кроме того, основные направления научной и учебной деятельности в немецких университетах обозначаются слишком широко по сравнению с американскими аналогами. Как отмечает Эббот, немецкая научная степень долгое время была степенью «во всем и ни в чем конкретном» и, следовательно, допускала различные сценарии занятости, а также давала право занимать самые разные должности, в отличие от более фокусированной и определенной американской, нацеливающей на конкретные карьерные траектории⁶⁵. Однако с середины XX в. европейские университеты в определенной степени начинают следовать американскому сценарию — профессиональному разделению труда и четкой специализации⁶⁶.

⁶³ Кларк Б.Р. Система высшего образования: академическая организация в кросс-национальной перспективе [1986] / пер. с англ. М.: Изд. дом НИУ ВШЭ, 2011. С. 42.

⁶⁴ См.: Abbott A. *The Disciplines and the Future*. P. 207.

⁶⁵ См. начальные очерки Н. Рейнгольда и Р. Коулера в книге: Наука по-американски: Очерки истории / пер. с англ. М.: Новое литературное обозрение, 2014.

⁶⁶ Подробнее см.: Эш М. «Гумбольдтовский миф» и исторические трансформации высшего образования в немецкоязычной Европе и США // Новое литературное обозрение. 2013. № 122. С. 13–28.

Эббот констатирует, что структура дисциплин, сформировавшись в американских университетах в ее нынешнем виде в конце XIX в., остается более или менее стабильной на протяжении столетия и не демонстрирует признаков резкой трансформации. Что обеспечивает подобную дисциплинарную последовательность? Прежде всего, устойчивость университета, имеющая несколько оснований. Во-первых, университет — крупнейший агент на рынке научного труда, гарантирующий стабильную занятость работников. Именно поэтому структуры, в которые работники оказываются вписанными в рамках университетов (кафедры и департаменты, основанные на дисциплинарном делении), приобретают ключевое значение для структурирования их профессиональных траекторий, определения логики научного поля. Во-вторых, кафедры, организованные по дисциплинарному признаку, являются основными работодателями в рамках университета, проводят определенную политику найма, а значит, неминуемо воспроизводят дисциплинарное разделение на микроуровне. Именно эти институциональные условия, обеспечивающие воспроизводство дисциплины на макро- и микроуровне Эббот называет «двойной институционализацией» американского университета. «Дисциплинарность» кафедр не является «унаследованной историей», проявлением инерционности академической жизни. Во многом это реакция на запрос наиболее массового рынка образовательных услуг — бакалавриата (*undergraduate*). Именно на уровне базового высшего образования сохраняются предметные специализации (являющиеся ориентиром выбора для абитуриентов), предопределяющие необходимость дисциплинарного деления кафедр и факультетов.

Дисциплинарность американского университета является крайне устойчивой, «благодаря ее способности организовывать в единую структуру исследования, индивидуальные карьеры, наем сотрудников и базовое образование (бакалавриат)»⁶⁷. Организационной основой дисциплинарной устойчивости в американских университетах является факультет и существующее в его рамках кафедральное разделение. Организационная поддержка — основное, но не единственное условие дисциплинарной стабильности. Еще одним важным условием, обеспечивающим «сохранность» дисциплинарности, является выполнение дисциплинами важных культурных функций и в академическом сообществе, и в жизни отдельных ученых. Во-первых, дисциплины создают общее представление об интеллектуальной стезе, снабжают академических работников представлениями о «должном знании»: «Они создают идеалы, модели как обучения, так и практической деятельности»⁶⁸. Будучи

⁶⁷ Abbott A. *The Disciplines and the Future*. P. 210. В данном случае Эббот ссылается на более ранние идеи Клиффорда Гирца (см. его очерк о перспективах наук о человеке: *Geertz C. Local Knowledge: Further Essays in Interpretive Anthropology*. N.Y.: Basic Books, 1983. P. 19–35).

⁶⁸ Abbott A. *The Disciplines and the Future*. P. 210.

своеобразной картой ориентации, дисциплины оказывают решающее влияние на формирование профессиональной идентичности. Во-вторых, дисциплинарное разделение ограждает знание от излишней абстрактности или информационной избыточности. Создавая дисциплинарный канон должного знания, дисциплины одновременно указывают, что именно можно не знать, какие книги не обязательны для чтения и т.п. При этом значим не сам канон, образуемый конкретными текстами или авторами, а, скорее, связанные с ним процедуры легитимации — аргументы, объясняющие, почему те или иные тексты или авторы считаются каноническими.

Помимо этого дисциплины обеспечивают связанность академических сообществ — как синхронную, так и диахронную. Роль связующего звена выполняют разделяемые идеи или исследовательские процедуры, образующие отношения преемственности или объединения «здесь и теперь».

Каково будущее дисциплинарности? По мнению Эббота, оно достаточно предсказуемо: сохранение системы высшего образования является своеобразным гарантом сохранения дисциплинарности. Однако массовость и коммерциализованность высшего образования все же окажут свое влияние на размывание дисциплинарных полей и будут способствовать дальнейшему укреплению практически ориентированных проблемноцентрированных полей (например, сестринского дела, гражданского строительства и проч.). Эббот полагает, что дисциплинарность сохранится преимущественно в элитных вузах, по-прежнему в значительной степени определяющих стандарты академической деятельности.

Одним из факторов устойчивости социальных и гуманитарных дисциплин, помимо институционально-организационных условий, становится их многоступенчатое интеллектуальное строение. Так, несмотря на рост популярности и диверсификацию прикладных социальных исследований (*social surveys*), академической социологии в Великобритании в XXI в. помогает успешно выжить в условиях неолиберального «академического рынка» и справляться с конкуренцией и угрозой диссоциации именно то, что в ее составе имеется как «верхняя» концептуальная надстройка (*social theory*), так и широкий «цоколь» относительно интегрированных социальных исследований (*social research*)⁶⁹.

5. Дисциплинарность и исследовательская деятельность

Рассмотрение высшего образования как основного механизма поддержания дисциплинарности — достаточно традиционный сюжет для социологии знания. Притом, что все авторы признают радикальность изменений

⁶⁹ См.: *Holmwood J. Sociology's Misfortune: Disciplines, Interdisciplinarity and the Impact of Audit Culture // British Journal of Sociology. 2010. Vol. 61. No. 4. P. 639–658.*

системы высшего образования, происшедших за последние полвека, они не подвергают сомнению ее способность служить социальным основанием дисциплинарности. Иные основания дисциплинарности — гораздо более редкий предмет анализа. Именно это переключение оптики столь выгодно отличает книгу преподавателя Чикагского университета Мишель Ламонт «Как мыслят профессора. Внутри любопытного мира принятия академических решений», переводящую внимание на «грантовую экономику» — новую социальную структуру, чье влияние на функционирование академического пространства, личные и групповые траектории ученых в последние десятилетия заметно усилилось. Мишель Ламонт снискала себе признание еще в конце 1980-х годов тонким социологическим анализом институциональной и интеллектуальной карьеры Жака Деррида; позднее она примкнула к группе сравнительного анализа американской и французской культурных систем (в духе социологии «градов» Болтански и Тевено)⁷⁰.

Согласно Ламонт, в отличие от университетов с их традиционными иерархиями и структурными делениями на факультеты, грантовая экономика создает особые структуры — оценочные комиссии. Они построены, с одной стороны, на экспертной иерархии авторитетных в сообществе исследователей, с другой стороны — представляют собой объединение равных, «peers». Грантовые комиссии многофункциональны. Это и центры принятия решений, чья интеллектуальная и финансовая поддержка (наряду или в противовес другим механизмам) формирует приоритетные направления развития научного поля (в том числе и дисциплинарное разделение). Это и площадки обсуждения, проявляющие и в определенной степени формирующие логику устройства научных полей, поскольку принятие решений членами комиссий строится на артикулированной системе аргументации, которая делает очевидными приоритетные принципы поля, а также поддерживает и определяет эти принципы по мере вынесения соответствующих вердиктов.

Еще один важный шаг, предпринятый Ламонт, — антропологизация изучения дисциплинарности. Изначально Ламонт заявляет о своем исследовании как в значительной степени этнографическом — основанном на полевом исследовании работы конкретных грантовых комиссий. Автору интересно: как и почему принимаются те или иные решения в конкретной ситуации, какие стратегии аргументации используются, и как согласовываются решения представителей различных традиций и дисциплин? За этим важным признанием стоит рассмотрение дисциплинарности как дискурсивной структуры, создающейся в том числе и в ситуации «здесь и теперь»,

⁷⁰ Ламонт М. Как стать самым важным французским философом: случай Деррида [1987] // *Ло-гос*. 2009. № 4–5 (72). С. 3–42; *Rethinking Comparative Cultural Sociology. Politics and Repertoires of Evaluation in France and the United States* / M. Lamont, L. Thévenot (eds). Cambridge: Cambridge University Press, 2000.

зависящей не только от общих структурных условий и макроконтекстов, но и от характеристик участников грантовых комиссий — их умения убеждать и слушать, способности к переходу дисциплинарных границ, от общей атмосферы коллективной работы.

Мишель Ламонт, как и Эндрю Эббот, рассматривает дисциплинарное деление как крайне значимое для принятия решений — именно оно задает рамки референции деятельности оценочных комиссий, определяет систему оценивания при принятии решений, создает ролевые предписания для членов комиссий⁷¹. Дисциплинарность может быть помыслена как дискурсивное пространство, предполагающее определенный способ производства дисциплинарного нарратива, существующего в рамках дисциплинарной логики аргументации. Понимание дисциплинарности как системы особых правил производства нарратива — достаточно распространенный аналитический ход для исследователей академического пространства. Одними из первых к нему прибегают Бичер и Траулер во втором издании «Академических племен» (2001). Книга Ламонт развивает идею нарративности дисциплины, в определенной степени основываясь на идее «режимов оправдания» Лорана Тевено и Люка Болтански⁷². Не случайно на идеи Тевено и Болтански опирается в разработке современной политической философии и Петер Вагнер, один из зачинателей историко-дисциплинарного анализа социального знания еще конца 1980-х годов.

«Режимы оправдания» — это «коллективные конвенции эквивалентности» или системы аргументации действий, признаваемые возможными в определенных символических системах (мирах)⁷³. Отдельные дисциплины, по мнению Ламонт, образуют собственные способы выстраивания нарратива, особенно ярко проявляющиеся в определенных ситуациях. К их числу очевидным образом принадлежит процедура подачи на гранты и принятия решений по финансовой поддержке исследований, требующая артикуляции и рационального использования легитимных аргументов. «Культура оценивания» (“evaluative culture”), проявляющая логику дисциплинарного нарратива, включает в себя множество компонентов, среди которых: культурные сценарии, используемые членами оценочных комиссий во время обсуждения заявок, критерии оценивания и их значение, понимание высших стандартов академической деятельности — профессионального совершенства.

⁷¹ Lamont M. *How Professors Think. Inside the Curious World of Academic Judgment*. Cambridge: Harvard University Press, 2009. P. 56.

⁷² Тевено Л., Болтански Л. Социология критической способности // Журнал социологии и социальной антропологии. 2000. Т. III. № 3. С. 66–82.

⁷³ См.: Там же. С. 69.

В сферу изучения Ламонт попадают шесть дисциплин: философия, история, антропология, английская литература, политология и экономика⁷⁴, обладающие собственными представлениями о «хороших исследованиях» и критериями аргументации.

Однако концепция дисциплинарного деления, используемая М. Ламонт в качестве стартовой точки анализа, не столь проста и очевидна. По мнению автора, логика дисциплинарной аргументации и дисциплинарного деления в определенной степени размывается «эпистемическими стилями» — «определенными способами понимания, как именно строится знание, равно как и верой в саму возможность доказательства теорий». Всего Ламонт выделяет четыре эпистемических стиля, перешагивающих дисциплинарные границы: конструктивистский, понимающий, позитивистский и утилитарный⁷⁵. Ее исследование показывает, что наиболее распространенным стилем оценивания заявок в шести изучаемых дисциплинах является понимающий (*comprehensive*) стиль, воплощающийся во внимании к интерпретациям, деталям и контекстам. Именно он взят на вооружение подавляющим большинством принимающих решение о присуждении грантов: 86% гуманитариев, 78% историков, 71% представителей социальных наук. Конструктивистский стиль (*constructivist style*) оценивания отдает предпочтение заявкам, «дающим голос» различным группам. Он подчеркивает значимость рефлексии по поводу влияния, оказываемого на результаты анализа идентичностью исследователя, его интеллектуальными и политическими предпочтениями. Отчасти этот стиль представляет собой вызов предыдущему интерпретативному течению, нередко по умолчанию политически или социально ангажированному. Этого стиля придерживаются 28% гуманитариев, 29% историков и 14% социальных исследователей. Позитивистский стиль уделяет особое внимание генерализации и проверке гипотез. Он популярен среди социальных исследователей (57%) и историков (23%) и практически не встречается у гуманитариев. Утилитарный стиль отчасти напоминает позитивистский стиль, но отдает предпочтение производству востребованного знания, позволяющего решать социальные проблемы. Этой системой аргументации пользуется 19% социальных исследователей и 4% историков⁷⁶.

⁷⁴ *Lamont M.* How Professors Think... P. 4.

⁷⁵ *Ibid.* P. 57. Упоминание эпистемических стилей явно отсылает к известным работам А. Кромби и Я. Хакинга, при этом их дефиниции экспериментальных или теоретических метаподходов перетолковываются в социологическом духе. См. общий анализ: *Kush M.* Hacking's Historical Epistemology: A Critique of Styles of Reasoning // *Studies in History and Philosophy of Science.* 2010. Vol. 41. No. 2. P. 158–173.

⁷⁶ *Ibid.* P. 58.

Эпистемические стили — одна из значимых интеллектуальных связей дисциплин, способы синхронизации различных дисциплинарных логик. Таким образом, картина дисциплинарного деления существенно усложняется, делая видимой не только логику размежеваний, но и основания связей.

К идеям Ламонт примыкает и группа исследователей структуры современного социального знания, которая в начале 2010-х годов по-своему продолжила исторические штудии Петера Вагнера и его соратников 1980-х (описанных во введении к монографии)⁷⁷. Из них можно выделить сторонников новой социологии идей и социологии интеллектуальных движений (включая академические инновации) — Нила Гросса и Скотта Фрикеля⁷⁸. Классическая социология интеллектуалов переосмысливается к началу 2010-х годов с учетом внимания к организации экспертного знания, взаимообразных отношений академических профессионалов и публики в современных западных обществах⁷⁹. Д. Крейн уже в работах начала 1990-х годов — как раз в связи с изучением публичной аудитории современной социологии — показывала размывание прежнего концептуального корпуса социологии (по растущей плюрализации цитатной деятельности и диверсификации дисциплинарной принадлежности упоминаемых авторов)⁸⁰. Но вопреки прежним, 1970-х годов, представлениям Маллинза или Коула такое очевидное размывание предметного ядра все же не подрывало дисциплинарный статус социологии⁸¹; такое нарушение прежних образов «успешно интегрированной» науки свидетельствовало о необходимости более многомерного подхода к анализу дисциплин⁸² и о явной недостаточности

⁷⁷ См. важный коллективный труд (с участием Э. Эббота): *Social Knowledge in the Making* / C. Camic, N. Gross, M. Lamont (eds). Chicago: University of Chicago Press, 2011.

⁷⁸ *Frikel S., Gross N. A General Theory of Scientific/Intellectual Movements // American Sociological Review. 2005. Vol. 70. P. 204–232*; см. также: *Фурсов К.С. Интеллектуальные движения как объект социологического анализа // Социологические исследования. 2009. № 10. С. 90–100.*

⁷⁹ См.: *Eyal G., Buchholz L. From the Sociology of Intellectuals to the Sociology of Interventions // Annual Review of Sociology. Vol. 36. 2010. P. 117–137.*

⁸⁰ *Crane D., Small H. American Sociology since the Seventies: The Emerging Identity Crisis in the Discipline // Sociology and its Publics / T. Halliday, M. Janowitz (eds). Chicago: University of Chicago Press, 1992. P. 197–234* (см. в этом же сборнике важную статью К. Кэлхуна о дисциплинарном статусе социологии: *Calhoun G. Sociology, Other Disciplines, and the Project of a General Understanding of Social Life // Ibid. P. 137–195*).

⁸¹ *Lynch M., Bogen D. Sociology's Asociological "Core": An Examination of Textbook Sociology in Light of the Sociology of Scientific Knowledge // American Sociological Review. 1997. Vol. 62. No. 3. P. 481–493.*

⁸² См. соображения признанного исследователя социологии дисциплинарности Р. Коллинза: *Collins R. Why the Social Sciences Won't Become High-Consensus, Rapid-Discovery Science // Sociological Forum. 1994. Vol. 9. P. 155–177.*

прежних методов анализа цитирования⁸³, устройства внутриакадемических групп и т.д.

Дисциплинарные структуры и отношения разных наук рассматриваются через призму современной социологии организаций Пола ДиМаджио⁸⁴ и социальных исследований высшего образования. Так, Дж. Брэкстон и Л. Харгенс в 1990-е годы особенное внимание обращали на специфику устройства современного исследовательского университета, которое и дает, по их мнению, ключ к постижению запутанной карты актуальных дисциплинарных различий⁸⁵. Для изучения «дисциплинарных вариаций» они пытались соединить анализ в духе Биглана, парадигмальный подход и характеристики исследовательского фронта в разных областях знания. Главной причиной ограниченности такого подхода, на наш взгляд, следует считать исключение из рассмотрения когнитивной специфики и достижений историографии академических дисциплин. Схожие рассуждения Рудольфа Штихве об историческом фоне становления разных областей знания, опирающиеся на идеи Лумана, кажутся несколько схематичными и даже старомодными: в итоге выстроенный им слишком общий алгоритм «признания» той или иной науки оказывается для сопоставительного анализа конкретных исторических форм ее бытования, по сути, излишним⁸⁶. Этнографическое же описание исследовательских и педагогических *техник* в разных образовательных кластерах в исследованиях 1990–2000-х годов (часто на основе идей Фуко генеалогического периода о связи дисциплин и надзора) или новейшие *curriculum studies*, принципиально игнорирующие внутренние, специфические проблемы развития тех или иных дисциплин и достижения истории знания, дает, на наш взгляд, пока только локальные результаты⁸⁷. Гораздо богаче по многоплановому охвату проблематики вос-

⁸³ См.: *Gmür M.* Co-Citation Analysis and the Search for Invisible Colleges: A Methodological Evaluation // *Scientometrics*. 2003. Vol. 57. No. 1. P. 27–57 (на примере организационных исследований); *Moody J.* The Structure of a Social Science Collaboration Network: Disciplinary Cohesion from 1963 to 1999 // *American Sociological Review*. 2004. Vol. 69. No. 2. P. 213–238.

⁸⁴ *DiMaggio P.J., Powell W.* The Iron Cage Revisited: Institutional Isomorphism and Collective Rationality in Organizational Fields // *American Sociological Review*. 1983. Vol. 48. No. 2. P. 147–160.

⁸⁵ *Braxton J., Hargens L.* Variation among Academic Disciplines: Analytical Frameworks and Research // *Higher Education: Handbook of Research and Theory*. Vol. 11. N.Y.: Agathon Press. 1996. P. 1–46.

⁸⁶ *Stichweh R.* The Sociology of Scientific Disciplines: On the Genesis and Stability of the Disciplinary Structure of Modern Science // *Science in Context*. 1992. No. 1. P. 3–15. Ср. обобщающий взгляд историка Тимоти Ленуара о естествознании XIX в.: *Lenoir T.* The Discipline of Nature and the Nature of Disciplines // *Knowledges: Historical and Critical Studies in Disciplinarity* / E. Messer-Davidow, D.R. Shumway, D. Sylvan (eds). Charlottesville: University Press of Virginia, 1993. P. 70–102.

⁸⁷ *Arnold M.* Disziplin und Initiation. Die kulturellen Praktiken der Wissenschaft // *Disziplinierungen. Kulturen der Wissenschaft im Vergleich* / M. Arnold, R. Fischer (Hrsg.). Wien: Turia +

производства дисциплины становится анализ *практик* научения, стилей преподавательской работы, характера учебных книг в разных науках — на основе синтеза идей раннего Фуко («археологического» периода), Куна и Майкла Полани⁸⁸. Обобщающий подход историков образования к описанию университетских семинариев или специфики академического письма как важного условия дисциплиностроительства в XIX в. кажется более продуктивным, чем схематика этнографии знания⁸⁹.

Весьма перспективным остается широкий теоретический анализ деятельности различных социальных групп внутри академического производства знания. Джерри Джейкобс, автор недавней книги о социологии дисциплинарности, подчеркивает (как и Терри Шинн и Анн Маркович⁹⁰) весьма высокую приспособляемость дисциплинарных структур и практик к новейшим вызовам современного общества⁹¹. Он подчеркивает, что в XXI в. (в отличие от ситуации 1970–1980-х годов) междисциплинарность уже не выступает как безусловный генератор обновления и полезный противовес прежним ригидным рамкам: она сама становится фактором и источником новых размежеваний и дифференциаций. Часто опорой новых политик знания в современных университетах выступают не департаменты и факультеты, а многочисленные исследовательские центры. Эти кластеры

Kant, 2004. S. 18–52; *Lee J.* The Shaping of the Departmental Culture: Measuring the Relative Influences of the Institution and Discipline // *Journal of Higher Education Policy and Management*, 2007. Vol. 29. No. 1. P. 41–55; *Moore R., Maton K.* Founding the Sociology of Knowledge: Basil Bernstein, Intellectual Fields and the Epistemic Device // *Towards a Sociology of Pedagogy* / A. Morais, I. Neves, B. Davies et al. (eds). N.Y.: Peter Lang, 2001. P. 153–182.

⁸⁸ См. недавние работы историков науки Дэвида Кайзера или Катрин Олешко: *Warwick A.C., Kaiser D.* Conclusion: Kuhn, Foucault and the Power of Pedagogy // *Pedagogy and the Practice of Science: Historical and Contemporary Perspectives* / D. Kaiser (ed.). Harvard: The MIT Press, 2005. P. 393–410; *Olesko K.M.* Science Pedagogy as a Category of Historical Analysis: Past, Present, & Future // *Science and Education*. 2006. Vol. 15. P. 863–880.

⁸⁹ *Clarke W.* On the Dialectical Origins of the Research Seminar // *History of Science*. 1989. Vol. 27. P. 111–154; *Kruse O.* The Origins of Writing in the Disciplines. Traditions of Seminar Writing and the Humboldtian Ideal of the Research University // *Written Communication*. 2006. Vol. 23. No. 3. P. 331–352.

⁹⁰ *Marcovich A., Shinn T.* Where Is Disciplinarity Going? Meeting on the Borderland. *Studies of Science and Technology* // *Social Science Information*. 2011. No. 50 (3–4). P. 582–606.

⁹¹ *Jacobs J.A.* In Defense of Disciplines: Interdisciplinarity and Specialization in the Research University. Chicago: University of Chicago Press, 2013. Еще ранее, в соавторстве с С. Фрикелем, автором теории интеллектуальных движений, Джейкобс опубликовал содержательную статью в авторитетном социологическом ежегоднике: *Jacobs J.A., Frickel S.* Interdisciplinarity: A Critical Assessment // *Annual Review of Sociology*. 2009. Vol. 35. P. 43–65.

порождаются практическими новациями или технологическими переменами, проблемно ориентированными запросами, а не фундаментальными теоретическими потребностями дисциплинарного самоопределения. Таким образом, в современном социогуманитарном знании «теория» является фактором поддержания идентичности новых и старых дисциплин — прежде всего на рынке академической подготовки⁹² (а не только научных разработок, особенно важных для классической социологии науки 1960–1970-х годов)⁹³. Кроме того, социальные и особенно традиционные гуманитарные науки теснее связаны с практиками обучения (и факультетского, а значит, и дисциплинарного деления знания), чем с новейшими внедренческими или технологическими отраслями. Судя по всему, комплексный анализ общества знания, социология интеллектуалов и новая социология знания в первые десятилетия нового века идут путем рефлексивного и критического возвращения к истокам⁹⁴: от структурных разработок Мёртона и Уитли, через их историческую контекстуализацию, к проблематике Манхейма или всеохватным компаративным анализам в духе Макса Шелера или Макса Вебера, с учетом американской прагматической традиции от Мида до Рорти⁹⁵.

Описывая интеллектуальный ландшафт изучения дисциплинарности 2000-х в целом, можно констатировать смещение исследовательских приоритетов. К их числу можно отнести окончательный отказ от эссенциалистских трактовок дисциплинарности, внимание к социальным и практическим условиям ее устойчивости, понимание дисциплинарности как производимой макроконтекстами (новыми центрами академического влияния), так и определяемой микроконтекстами и ситуациями — действиями конкретных сообществ и их членов в новых центрах производства и его

⁹² См. рассуждения американского социолога Габриеля Абенда: *Abend G. Styles of Sociological Thought: Sociologies, Epistemologies, and the Mexican and U.S. Quests for Truth // Sociological Theory. 2006. Vol. 24. No. 1. P. 1–41; Idem. The Meaning of 'Theory' // Ibid. Vol. 26. No. 2. P. 173–199.*

⁹³ К такому выводу приходит Стивен Тёрнер: *Turner S. What Are Disciplines... P. 46–65.*

⁹⁴ О видении Карлом Манхеймом дилеммы «наук о духе» — «наук о природе» и о реинтерпретации его наследия в рамках «сильной программы» социологии знания у Д. Блора в 1970-е годы см. критические соображения Д. Кайзера: *Kaiser D. A Mannheim for All Seasons: Bloor, Merton, and the Roots of the Sociology of Scientific Knowledge // Science in Context. 1998. Vol. 11. No. 1. P. 51–87.*

⁹⁵ *States of Knowledge: The Co-Production of Science and Social Order / S. Jasanoff (ed.). L.: Routledge, 2004; Powell W.W., Snellman K. The Knowledge Economy // Annual Review of Sociology. 2004. Vol. 30. P. 199–220.* Ср. попытку перенести на исторический материал новейшие идеи экономики знания: *Mokyr J. The Gifts of Athena: Historical Origins of the Knowledge Economy. Princeton: Princeton University Press, 2002.*

оценки знания⁹⁶. В этом смысле подчеркивание важности академических культур или дисциплинарных «культур знания» (подобно парадигмам, идеям «невидимых колледжей» или рассуждениям о ядре и фронтире науки в 1960–1980-е годы) из методологических трудов в последние десятилетия переходят в работы практиков и историков гуманитарного знания⁹⁷.

Подводя итог весьма недолгой, но крайне разнородной традиции социологического исследования дисциплинарности, можно утверждать, что несмотря на все рассогласования, а порой и прямую конкуренцию концепций, социологический подход к дисциплинарности в целом ориентирован на выявление ее гетерогенных оснований и логик организации. Социология дисциплинарности, как и социология науки несколько десятилетий назад, продолжает во многом оставаться знанием об агентах и структурах, формирующих и изменяющих дисциплины. И наконец, еще одной отличительной чертой социологического изучения дисциплинарности является достаточно принципиальная эмпирическая ориентированность подхода — и признанные исследования Сторера и Бен-Дэвида, и недавние изыскания Ламонт не только выдвигают теоретические предположения, но и стремятся к их подтверждению. Именно возможность опытной проверки предположений, оперативное реагирование на изменение научного ландшафта рассматриваются аналитиками как значимые достоинства актуальных подходов, в отличие от абстрактных, отчасти вневременных тезисов и общих идей классической социологии науки и традиции изучения академических сообществ в 1960–1970-х годах.

⁹⁶ См. описание эволюции ведущих университетских дисциплин в XX в.: *Frank D.J., Gabler J. Reconstructing the University: Worldwide Shifts in Academia in the 20th Century*. Stanford, CA: Stanford University Press, 2006 (особенно гл. 4 о естественных науках).

⁹⁷ *American Academic Culture in Transformation: Fifty Years, Four Disciplines* / T. Bender, C.E. Schorske (eds). Princeton, NJ: Princeton University Press, 1998; *Gebrochene Wissenschaftskulturen. Universität und Politik im 20. Jahrhundert* / K.H. Jarausch, M. Middell u. a. (Hrsg.). Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht, 2010.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Берелович Владимир — профессор Высшей школы социальных наук в Париже (École Des Hautes Études En Sciences Sociales), почетный профессор Женевского университета (Université de Genève).

Боярченко Владислав Викторович — доктор исторических наук, профессор Рязанского государственного радиотехнического университета.

Герасимов Илья Владимирович — кандидат исторических наук, PhD по истории, ответственный редактор журнала «Ab Imperio: Studies of New Imperial History and Nationalism in Post Soviet Space».

Дастон Лорен (Daston Lorraine) — исполнительный директор Института истории науки им. М. Планка в Берлине (Max-Planck-Institut für Wissenschaftsgeschichte in Berlin-Dahlem).

Дёмин Максим Ростиславович — кандидат философских наук, доцент Санкт-Петербургской школы социальных и гуманитарных наук / Департамента социологии НИУ «Высшая школа экономики» в Санкт-Петербурге.

Дмитриев Александр Николаевич — кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Института гуманитарных историко-теоретических исследований им. А.В. Полетаева, доцент Факультета гуманитарных наук / Школы исторических наук НИУ «Высшая школа экономики».

Запорожец Оксана Николаевна — кандидат социологических наук, ведущий научный сотрудник Института гуманитарных историко-теоретических исследований им. А.В. Полетаева, доцент Факультета социальных наук / Департамента социологии / Кафедры анализа социальных институтов НИУ «Высшая школа экономики».

Иванова Юлия Владимировна — кандидат филологических наук, ведущий научный сотрудник Института гуманитарных историко-теоретических исследований им. А.В. Полетаева, доцент Факультета гуманитарных наук / Школы исторических наук НИУ «Высшая школа экономики».

Капелюшников Ростислав Исаакович — доктор экономических наук, заместитель директора Центра трудовых исследований НИУ «Высшая школа экономики».

Кирчик Олеся Игоревна — PhD по социологии, ведущий научный сотрудник Института гуманитарных историко-теоретических исследований им. А.В. Полетаева, старший преподаватель Факультета социальных наук /

Научное издание

**Науки о человеке:
история дисциплин**

Зав. книжной редакцией *Е.А. Бережнова*
Редактор *К.А. Левинсон*
Художник *В.П. Коршунов*
Компьютерная верстка: *О.А. Иванова*
Корректор *В.И. Каменева*

Подписано в печать 19.08.2015. Формат 70×100 1/16
Печать офсетная. Гарнитура Minion Pro.
Усл. печ. л. 53,3. Уч.-изд. л. 45,2. Тираж 300 экз. Изд. № 1800

Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики»
101000, Москва, ул. Мясницкая, д. 20
Тел./факс: (499) 611-15-52

Отпечатано в ОАО «Первая Образцовая типография»
Филиал «Чеховский Печатный Двор»
142300, Московская обл., г. Чехов, ул. Полиграфистов, д. 1
www.chpd.ru, e-mail: sales@chpd.ru,
тел.: 8 (495) 988-63-76, тел./факс: 8 (496) 726-54-10